

Своеобразие репрезентации героической смерти в СССР и Японии периода Второй мировой войны

В годы Второй мировой войны цена человеческой жизни упала в России так низко, как никогда прежде. В культуре других государств, участвовавших в войне, мифологизировались герои, уничтожавшие множество вражеских солдат и техники, но отнюдь не ценой собственной жизни. Исключением были лишь СССР и Япония с ее воинской традицией «камикадзе». И у нас, и на Дальнем Востоке мы наблюдаем схожие паттерны поведения, задаваемые культурой сражающихся стран. Мы попробуем найти общее и различное и в советской воинской культуре, и в самурайской традиции, согласно которым для воина главное – это героически погибнуть в бою, а не сохранить свою жизнь, чтобы продолжать уничтожать врага.

Война и смерть являются понятиями неразделимыми, и одной из необходимых составляющих моральной и психологической подготовки солдата к войне и к бою была подготовка к смерти. Любая культура задает установку на ценность (или обесценивание) человеческой жизни. В ситуации войны эта проблема становится особенно актуальной. Дж. Фейблман, характеризуя в работе «Типы культуры» ее военный тип, пишет о том, что мужчины в этой культуре существуют для войны, а женщины для воспроизводства воинов. Автор, таким образом, подчеркивал, что уже в глубокой истории культуры в ситуации войны человеческая жизнь была обесценена. [2; 203–204]. Инте-

* *Роман Михайлович Николаев* – канд. культ., доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

© Р. М. Николаев, 2014

Интересно, что суждения Дж. Фейблмана вполне правомерны и в отношении советской военной культуры в ситуации войн XX века.

Уже в период Гражданской войны жизнь рядового красноармейца мало что значила. Характерным примером является высказывание наркомвоенмора Троцкого: «Нельзя армию строить без репрессий. Нельзя массы людей вести на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо ставить солдата между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади» [цит. по: 4; 353]. В годы Великой Отечественной войны данная тенденция оставалась неизменной.

Так, в советском героическом дискурсе периода войны складывается следующая деятельностная установка: «В Советском Союзе пропаганде необходимо было приучить красноармейцев к мысли о неизбежности громадных потерь, ценой которых врагу будто бы наносятся еще большие потери и покупается конечная победа» [8; 209]. Как известно, особо широкое прославление подвигов героев, жертвующих собой, получает распространение именно в СССР. Ни в отечественной дореволюционной пропаганде, ни в немецкой, ни в пропаганде стран союзников данная установка на героическую гибель не была выражена столь широко. Советские же солдаты должны были противостоять натиску немцев даже тогда, когда те имели перевес в технике, и обязаны были «идти на неподавленные укрепления противника, закрывая грудью амбразуру» [8; 209].

Безусловно, данный подход, зачастую в виде специально создаваемых мифов, во многом мобилизовал общество в критический для нашей страны период первых двух лет войны, но «те же самые мифы играли и не менее существенную отрицательную роль, понижая цену человеческой жизни в глазах командиров всех степеней и побуждая их добывать победу любой ценой, не считаясь с жертвами» [8; 215]. Эти же мифы отчетливо отображались и в советской литературе того периода, например, в таких произведениях как «Одухотворенные люди» А. П. Платонова, в стихах А. В. Софронова «Песня о двадцати восьми» (1942) и многих других. Эта особенность советской военной культуры периода войны, с одной стороны, вполне соответствовала еще предвоенной установке советского режима на обесценивание человеческой жизни, но с другой, входила в

противоречие с самыми основными традиционными установками военной культуры, где «выдающимися считаются победы, которые добыты малой кровью и умением, а не числом. В основе такого подхода лежит справедливое убеждение в том, что человеческая жизнь, несмотря даже на войну, – это высшая ценность. В противном случае и война теряет смысл» [7; 24]. Участник войны (впоследствии профессор, один из крупнейших специалистов по фламандской живописи) Н. Н. Никулин описывает поле боя на Ленинградском фронте весной 1942 г., когда сошел снег: «У самой земли лежали убитые в летнем обмундировании, в гимнастерках и ботинках. Это были жертвы осенних боев 1941 года. На них рядами лежали морские пехотинцы в бушлатах и широких брюках «клевш». Еще выше – сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январь-феврале 1942 года. Потом – политбойцы в ватниках и тряпичных шапках... Здесь смешались трупы солдат многих дивизий, атаковавших железнодорожное полотно в первые месяцы 1942 года. Страшная диаграмма наших «успехов»! [6; 56].

Установка на обесценивание человеческой жизни приводит к тому, что во время войны большую известность получают смертники: герои-панфиловцы, Александр Матросов, Николай Гастелло и другие – их популярность превышает популярность таких известных героев-профессионалов как летчики-асы И. Н. Кожедуб (самый результативный летчик-истребитель среди всех пилотов союзной коалиции) и А. И. Покрышкин, сталинградский снайпер В. Г. Зайцев и танковые асы Д. Ф. Лавриненко и З. Г. Колобанов.

Как мы уже упоминали, наиболее схожими по форме действиями на поле боя Второй мировой войны являлись самоубийственные атаки японских камикадзе. В случае с японцами мы можем проследить следующую тенденцию – никогда и ни в одной армии мира, кроме армии Японии в годы Второй мировой войны, самопожертвование не являлось специальной или особой тактикой, одобренной сверху, заранее планируемой и самое главное *официально подтвержденной*. Такие добровольцы-смертники периода Второй мировой войны получали обобщенное название «тейсин-тай» (яп. 挺身隊, букв. «добровольческие отряды»). «Их формирование, основанное на

средневековом морально-религиозном кодексе самураев бусидо (яп.: 武士道 буси-до, «путь воина»), обязывающем презирать смерть, санкционировал Императорский генеральный штаб. Более того, для самоубийц разрабатывалось и производилось специальное оружие – торпеды, катера, самолёты. Погибшие в бою смертники причислялись к лику ками (яп. 神, «бог», «богиня», «божество») – святых покровителей Японии» [3].

Японцы смотрели на смерть совсем не так, как их противники. Для них смерть не представлялась ужасным уходом в небытие, и главным была не сама смерть, а обстоятельства, при которых она произошла. И эта традиционная установка по отношению к смерти появилась в Японии задолго до Второй мировой войны. Так священник и воин XVIII в. Ямамото Цунэтомо в знаменитой книге «Хагакурэ» («Спрятанное в листе») так охарактеризовал смысл жизни самурая: «Путь самурая – это смерть... В случае необходимости выбора между жизнью и смертью незамедлительно выбирай последнюю. В этом нет ничего сложного. Просто соберись с духом и действуй» [9]. Слова о загробном воздаянии, о божественном предназначении звучат и из уст современников камикадзе: «Голос адмирала Ониси дрожал: “Вы уже боги без земных желаний. Но одну вещь вы хотите знать: не будут ли напрасными ваши самоубийственные пики? К сожалению, мы не сможем рассказать вам о результатах”» [1]. Поведение добровольцев-камикадзе обуславливалось японской метафизикой смерти, выраженной как в «традиционной самурайской философии, так и в религии. Со времен средневековья самурая учили, что “жизнь легче гусиного пуха”, что он должен подчинять “правому делу” (ги) все свое желание лично выжить». [Цит. по: 5].

Тем не менее, необходимо отметить, что несмотря на религиозное воздействие в психологической подготовке камикадзе, это вовсе не означало, что большинство из них успокаивало себя мыслью о посмертном существовании в каком-либо точно представляемом и прописанном загробном мире. Буддизм, будучи, в сущности, пацифистской системой взглядов, совершенно не собирался предоставлять вознаграждение людям, которые погибли, намеренно навязывая насилие себе и другим. Зато государственная религия Японии – синто – дейст-

вительно обещала, что отдавшие свои жизни на службе императору возвратятся в виде божественных духов для почитания в святилище Ясукуни, правда, в синтоизме концепция посмертной жизни весьма туманна; с самого своего начала в нем избегали метафизических построений. Будучи все же людьми, многие из бойцов-камикадзе должны были переживать моменты сомнений, даже ужаса в связи со своей предстоящей гибелью; однако особая японская комбинация традиций и синтоистских влияний помогала им пересилить эти естественные импульсы.

Возвращаясь к культивируемым образцам самопожертвования в советской культуре периода Великой Отечественной войны, стоит отметить тот факт, что данные образцы не несли в себе традиционного отношения к факту смерти на поле боя. В русской дореволюционной культуре тема смерти на поле боя звучит достаточно часто. Покажем это на примере двух военных песен того времени. Песня Александрийского гусарского полка: «Марш вперед! *Смерть* нас ждет! Наливайте чары...». Песня 12-го Стародубовского драгунского полка: «Под ним *умрет* драгун беспечный, сложивший голову в бою». Было и множество других, где звучит тема смерти воина.

Здесь стоит сказать, что важным отличием атеизма от практически любой религии является чисто биологическое понимание такого явления, как смерть. Если мы обратимся к традициям русской дореволюционной армии, то увидим, что тема смерти в бою была также одной из главных в тогдашней военной культуре. В русской армии тоже приучали солдат к возможной смерти в бою, учили не бояться смерти, готовили к ней. Но, в отличие от советской системы ценностей, здесь мы видим большее сходство именно с японской традицией. В основе подобной подготовки в русской армии было христианское учение о смерти и загробной жизни. Дореволюционный русский воин на протяжении веков воевал за веру, царя и Отечество, и гибель в бою, таким образом, являлась не только воинским, но и религиозным подвигом.

Получая в руки оружие, каждый участник сражения любой армии мира задумывается о возможной собственной смерти. И вот здесь официальная советская идеологическая подготовка

к смерти отличалась и от японской, и от отечественной дореволюционной. Она оставляла человека один на один со своими страхами. Ведь в советской идеологии смерть воспринималась как окончательная точка, небытие, за которым может сохраниться лишь память о человеке, но не сам человек.

Литература

1. Аннинский В. А. Боги без земных желаний. – URL: <http://www.proza.ru/2010/01/30/787> (дата обращения: 21.01.2014).
2. Антология исследований культуры. – Т. 1 : Интерпретация культуры. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 728 с.
3. Камикадзе – кто они герои или безумцы? – URL: <http://vsevtme.ru/network/1077/2011/08/28/voennaya-istoriya/kamikadze-kto-oni-geroi-ili-bezumtsy> (дата обращения: 25.01.2014).
4. Кузнецов А. А. Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. – М. : Современник, 1998. – 478 с.
5. Моррис А. Благородство поражения. Трагический герой в японской истории. – URL: <http://lib.rus.ec/b/138298> (дата обращения: 25.01.2014).
6. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. – СПб. : Эрмитаж, 2007. – 244 с.
7. Пленков О. Ю. Гибель вермахта. – М. : ОЛМА, 2010. – 512 с.
8. Соколов Б. В. Вторая Мировая. Факты и версии. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2008. – 431 с.
9. Цунэтомо Я. «Хагакурэ» («Спрятанное в листве»). – URL: http://modernlib.ru/books/yamamoto_cunetomo/hagakure_sokritoe_v_listve/read (дата обращения: 18.02.2014).